

Оюб Титиев с адвокатом Мариной Дубровиной / Фото: Анастасия Медведева, ОВД-Инфо

19.03.2019, 11:08 Чечня

СТАТЬИ

Как проходят политические суды в Чечне: дело Оюба Титиева

18 марта главу чеченского «Мемориала» Оюба Титиева **приговорили** к четырем годам колонии-поселения. На протяжении семи месяцев в Шали, город с населением чуть больше 50 тысяч человек, каждую неделю приезжали правозащитники, журналисты, режиссеры, дипломаты со всего мира. ОВД-Инфо публикует впечатления четырех москвичек, побывавших на самом громком политическом процессе в республике.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

ПОЛИНА ГЛУХОВА УЧАСТНИЦА ОВД-ИНФО

Я ездила в Чечню в конце сентября. Было тепло. Когда заезжаешь в город Шали, где проходят заседания, видишь только мечеть и за ней «Шали-Сити» — гигантский отель в стиле Грозный-Сити. Строить такие в каждом крупном городе придумал Кадыров. Они пустуют. По ощущениям, в этом отеле можно расселить всех жителей Шали.

Через дорогу въезд к суду. Там пост полиции. Стоят мужчины с автоматами в военной американской форме. В американской — потому что она стильно смотрится. Я старалась не ходить там одна. Еще кажется, что полицейских больше, чем мирных.

Через метров двести суд. Он снимает первый этаж офисного здания. Снаружи висят портреты Ахмата Кадырова, Рамзана Кадырова и Владимира Путина. Туалет на улице.

Когда мы заходили в суд, я волновалась, что приставы будут ко мне излишне строги, потому что я в штанах, а не в юбке. Но все было нормально. Кажется, заседания по делу Оюба — их единственное развлечение.

В маленьком зале я впервые с начала поездки почувствовала себя спокойно. Наверное, потому что я знала порядок и правила — такие же, как и в любом

другом суде. Вокруг сидели журналисты, друзья и соседи Оюба.

Шали, город, где проходит суд над Оюбом Титиевым / Фото: Анастасия Медведева, ОВД-Инфо

До начала заседания один мужчина хотел сфотографировать Оюба. К нему подлетел пристав, потребовал прекратить снимать и пролистал фотографии на телефоне. Тогда мужчина что-то сказал на чеченском, и все засмеялись, включая Оюба. Я спросила у пожилой женщины, которая сидела рядом, что он сказал. Она на чеченском всем об этом сообщила, и все посмеялись уже надо мной. Оказалось, это был анекдот. «В деревне умерла бабушка, много людей позвали на похороны. Один мальчик очень расстроился и плакал: „Почему нас не позвали?“. На что ему ответили: „Не плачь, у нас тоже есть бабушка“».

«Поняла? Черный юмор», — сказала чеченка. Я не поняла, и тогда она мне объяснила, что когда-нибудь и этот пристав сядет за решетку — поплачет, как мальчик из анекдота, а пока ему нечего злиться.

Потом выступал двоюродный брат Оюба Ризван. На вопрос судьи «Будете давать показания?» он ответил: «Буду давать. Только хорошие».

В какой-то момент за спиной у судьи открылась дверь в комнату, куда она должна уходить принимать решения. Там на газовой плите стоял чайник. Дверь была открыта какое-то время, и от этого почему-то было неловко за судью.

Потом процесс на время закрыли якобы из-за тайного свидетеля — на самом деле, из-за сотрудника из свиты Кадырова. Адвокат Петр Заикин разошелся и добивал судью: «У нас 228 статья. Какая государственная тайна?

В каком месте?», «Оюб Салманович, хакером не являетесь?» И никто не стеснялся смеяться в голос.

Нам пришлось пойти на улицу, приставы даже принесли скамейку во дворик рядом со зданием суда. На соседнем участке рос виноград, и ветки свисали через забор. Лена Милашина из «Новой» встала на стул и сорвала гроздь. Мы ели виноград и ждали, когда снова откроют заседание.

ЮЛИЯ ОРЛОВА

СОТРУДНИЦА ПЦ «МЕМОРИАЛ»

Как-то в январе 2019 года мы выехали из Грозного на суд в Шали раньше обычного. За много месяцев еженедельной езды расслабились, привыкли приезжать впритык, а то и с опозданием, пользуясь тем, что без адвокатов не начнут, а адвокаты — с нами.

В этот раз собрались у гостиницы за час до начала заседания, вызвали такси. Где-то, не доезжая Мескер-Юрта, с нами поравнялась «Волга». Женщина на заднем сидении глянула в нашу сторону. Отвернулась с улыбкой. Я присмотрелась. Знакомые очки, хвостик... «Вон судья едет!» — радостно оповестила я моих спутников. И тут же осеклась — она нам Оюба сажает, а я ей улыбаться собираюсь! Повернулась спиной к стеклу. «Волга» отстала и обогнала нашу машину с другой стороны.

А начиналось всё совсем не так. 11 января 2018 года мы увидели Оюба впервые после задержания, спустя два дня — в том же Шалинском городском суде, куда Оюба привезли арестовывать.

Приставы не хотели пропускать нас, но мы пробились в прихожую. Судья Мадина Зайнетдинова (тогда мы еще не знали, что это она) ходила по зданию встревоженная неожиданным появлением чужаков, напряженная. Заседание закрыла. Мы прождали несколько часов...

Тихий, спокойный, добрый дедушка. В окружении нескольких мужиков в камуфляже, с автоматами. В наручниках! Когда Оюба выводили из зала, он нам — журналистке и девочкам из офиса, приехавшим его поддержать, — улыбнулся. А мы сдерживались, но всё равно плакали. Меня потом ругали: не надо ему показывать, что мы плачем. Это уже привычное чеченское: ни за что не показывай, что ты слабая. Задави слезы. Улыбайся.

Здание суда, в котором проходили заседания по делу Оюба Титива /
Фото: Анастасия Медведева, ОВД-Инфо

Теперь всё, кажется, совсем иначе. Все приставы, конвойные, сотрудники суда знакомы в лицо, некоторые и по именам. Мы привыкли друг к другу, а для них это еще и своего рода развлечение — каждую неделю видеть людей, приезжающих «из России» (так здесь говорят про другие регионы) и из-за границы, — таких разных, странных, других.

Прокурор Байтаева за стенами зала заседаний пытается вести себя вполне по-светски — улыбается, здоровается. Я теперь опускаю глаза, заведев ее на кожаном кресле в коридоре, — не хочу здороваться с ней. Не хочу дежурно улыбаться, испытываю детское ощущение, как будто этой улыбкой немножко предаю Оюба. Она ведь тоже сажает его, всё понимает — и сажает.

В зале Байтаева не так спокойно относится к улыбкам. Как-то после очередной вспышки смеха она обратилась к судье: с самого начала процесса они тут сидят и смеются, сделайте им замечание. «Я же не могу заставить их не улыбаться», — только и ответила судья.

Роль судьи Зайнетдиновой — строгая, но справедливая хозяйка процесса. Уверенная в себе. Когда надо — пожурит, когда надо — сделает суровый выговор. Отлично

играемая роль. И совсем не смешная — ей еще приговор выносить.

После одного из заседаний Светлана Алексеевна Ганнушкина, столкнувшись с Зайнетдиновой в коридоре, спросила: «Как вам будет спать этой ночью?» (судья перед этим пачкой отклонила очередные ходатайства адвокатов). Она ответила: «Вот я вам улыбнулась, а вы мне так в ответ...»

В этом суде много смешного и глупого, жалкого и нелепого. Полицейский, во время допроса от страха не отличающий синий цвет от зеленого. Потееющие и дрожащие чеченские мужчины — свидетели обвинения. И главный из них — настоящий паяц, обычный мелкий «торчок» на службе у полиции, устроивший из своего допроса шоу.

Это фарс, но очень жестокий, мрачный, удручающий и опустошающий.

На одном из последних судов, когда Зайнетдинова отказала в очередных ходатайствах защитников, Оюб сказал: «Между нами как будто железобетонная стена». Ничем ее не проймешь, никак не достучаться.

А самым цельным в проявлении эмоций оказывается в этом фарсе прокурор Ахматов. Он в основном молчит, лишь при необходимости вставляет краткую реплику гособвинителя. Иногда, не сдержавшись, отвечает на подколы адвоката Заикина. И никогда не смотрит на публику, избегает смотреть родным, друзьям, знакомым Оюба в глаза.

С самого начала процесса я думаю и никак не могу понять — это стыд или ненависть?

АНАСТАСИЯ МЕДВЕДЕВА
УЧАСТНИЦА ОВД-ИНФО

Вообще-то в Чечне очень приятно. И от этого «приятно» становится жутко.

Вы никогда не увидите таких непосредственных приставов в Москве или Петербурге. Они шутят в разговорах между собой, шутят в разговорах с посетителями, шутят в разговорах с Оюбом (о да, они разговаривают с ним, не приказывают, не издеваются, а разговаривают). Никто не скажет приезжей девушке, что ей нельзя курить, нельзя материться или нельзя ходить в джинсах. Скорее, над этим просто пошутят. Здесь вообще очень любят шутить и общаться на «ты» со всеми посетителями, даже если это 76-летняя Светлана Ганнушкина.

Заседания, честно говоря, тоже довольно смешные. Стороны общаются примерно так:

— Давайте вы будете нормально со мной разговаривать, мы ведь не на кортах в Махачкале сидим.

— Ваша честь, а что он против Махачкалы имеет?

После заседания я много бродила и фотографировала в Шали и Курчалое. Шали — город, в котором идут судебные заседания. Курчалой — город, где жил Оюб Титиев. Сейчас на месте его дома огромный пустырь. Соседских домов тоже нет, их снесли, чтобы построить высотный комплекс «Курчалой-Сити».

План строительства «Курчалой-сити», комплекса, ради постройки которого снесли дом Оюба / Фото: Анастасия Медведева, ОВД-Инфо

В Шали и Курчалое никто, конечно, не улыбался в камеру, но никто и не отворачивался, не просил удалить кадры. В такси и на улицах я на всякий случай придумывала себе альтернативные жизни. Я была не участницей правозащитного проекта, а режиссером, фотографом, студенткой, путешественницей или счастливой невестой. Но когда я пару раз сказала незнакомцам правду, никто

не испугался, не убежал, не отвернулся, не перевел тему и даже (чудеса!) не похитил меня. Все реагировали очень спокойно и даже с некоторым интересом, что еще раз доказывало — в Чечне приятно.

Так вот, в Чечне всем норм. Норм шутить с известным правозащитником, которого сажают по 228, норм превращать заседания в стендап, норм радоваться приезжим на суд москвичам (очень пытаюсь в свою очередь не шутить про развитие туризма в Чечне).

Во всей остальной России можно снимать «Домашний арест», обсуждать взятки, плохие дороги, гомофобию и феминизм, но о политзеках так открыто не поговоришь. А в Чечне — спокойно. И это страшно.

ЗОСЯ РОДКЕВИЧ

РЕЖИССЕР-ДОКУМЕНТАЛИСТ

Я очень давно и сильно мечтала попасть в Чечню. В этом году мне сделали подарок на день рождения — отправили делать репортаж с суда над Оюбом Титиевым.

Хоть повод и ужасный, но с замиранием сердца я вышла из самолета в Грозном. Старалась запомнить каждый шаг, каждый камень под ногами. Это действительно другая планета, совершенно другой, завораживающий мир — другой темп жизни, взгляды, пластика, отношение к жизни.

В центре — всё это блистающее стекло и роскошь, глядя на которое испытываешь только ужас и чувство чужого превосходства, искусственности. Повсюду на тебя смотрят портреты Рамзана, его отца и Путина. Из каждого угла, из каждой аптеки. Отходишь чуть дальше — на рынок, вот уже где жизнь, где люди дышат. Хорошо, что суд был в Шали — возможность увидеть хоть краем глаза настоящую жизнь.

Но самое мое главное впечатление — это, конечно, люди. Потрясающие родственники Оюба — люди, которые носят достоинство буквально в позвоночнике. Скромные, молчаливые и очень внимательные мужчины, которых меньше всего на свете хочется разочаровать. Шумные, щедрые на эмоции женщины, требующие справедливости, которые меня такую нелепую с серьгой в носу мгновенно приняли за свою и ни разу ни в чем не укорили. Настойчивые, заботливые, очень красивые.

Я была так заморожена этими людьми, что хотела сделать сюжет именно про них, а даже не про суть несправедливого политического суда. Просто любовалась их лицами, украшенными бликами южного солнца, слушала журчание незнакомой чеченской речи. Как они совмещают сиюминутное веселье в собирании винограда возле суда с горькой отчаянной борьбой с несправедливостью. Как они умудряются в столь несвободном мире, где вокруг куча людей с оружием, правил и требований, быть столь свободными изнутри.

Всё это, конечно, не вошло в сюжет и осталось только мне на память.

А вошла зарисовка абсурдного судебного процесса, где одна сторона, сторона обвинения, лжет и извивается, а другая сторона просто и спокойно терпит все лишения, требуя только одного — правды.

YouTube Video: [R1VMvhj-OB](#)

ТРЕХРАЗОВОЕ ПИТАНИЕ ОЮБА ТИТИЕВА

ОДИН ДЕНЬ В СУДЕ
НАД ГЛАВОЙ «МЕМОРИАЛА» В ЧЕЧНЕ

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Дело главы чеченского «Мемориала»

Главу чеченского «Мемориала» осудили на четыре года колонии-поселения по делу о хранении наркотиков. Он утверждает, что пакет с марихуаной ему подбросили. В июне 2019 года вышел на свободу по УДО.

3 61

Ещё почитать

16.02.2026 Чечня

Верховный суд Чечни отменил приговор по
второму делу матери чеченских
оппозиционеров Заремы Мусаевой